МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

«Книги в красном переплёте»

Год 1910 | **Тема** детство, книги, искусство

Это автобиографическое произведение-воспоминание поэтессы о собственном детстве, о моменте открытия чудесного мира книг

При написании стихотворения поэтесса сама едва вышла из «детского» возраста. Цветаева смотрит в прошлое не с высоты прожитых лет, а только-только покидая идиллический мир

Лирическая героиня каждую свободную минуту посвящала книгам, читала днями и ночами

В стихотворении содержится информация о том, какие именно герои производили на Цветаеву наибольшее впечатление. Том Сойер, Гек Финн, Принц и Нищий – это знаменитые персонажи творений Марка Твена

Дух лирической героини захватывали напряженные сцены, такие как развязка романа «Принц и нищий», момент в пещере с Томом и Бекки из «Тома Сойера»

Своё произведение Марина Цветаева заканчивает, используя торжественные воззвания во славу детству и книгам – «о золотые времена», «о золотые имена». Стихотворение превращается в гимн, в оду литературе и юным летам

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном пререпете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тот час же к вам, бывало,
– Уж поздно!- Мама, десять строк!...-
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет, В Воздухе свежо...
Том В счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает В сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы....
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий В бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто В ней возник.
Британии печальны судьбы...
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

«Моим стихам, написанным так рано...»

Год 1913 | **Тема** поэт и поэзия | **Жанр** элегия

- Поэтесса раскрывает своё чувство обладания особенным литературным даром, а также волнение, связанное с судьбой собственных стихотворений.
- Цветаева предчувствует их безызвестность, их ненужность, но она верит, что однажды их слава придёт
- Боль переживания собственной безызвестности и в то же время – ощущение обладания поэтическим талантом; предвкушение признания, которое придёт рано или поздно

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –

Разбросанным В пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

«Бабушке»

Год 1914 | **Тема** связь поколений

История создания

Стихотворение Цветаева написала под впечатлением от настоящего портрета своей бабушки по материнской линии – М. Бернацкой. Поэтесса очень часто, особенно после революции, утверждала, что родилась не в свое время. Бурному двадцатому веку она предпочитала романтичный и таинственный девятнадцатый. Портрет своей прямой родственницы наводит ее на размышления о глубокой связи между поколениями.

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от вас ли?..

- На портрете М. Бернацкая выглядит ровесницей Цветаевой. Поэтому поэтесса использует противоречивое обращение – «юная бабушка».
- Ее восхищает образ своей родственницы («надменные губы», «ледяное лицо»). Бабушка Цветаевой была прирожденной аристократкой, что отразилось даже на картине.
- Поэтессе бесконечно жаль навсегда ушедшей эпохи «вальсов Шопена».
- Цветаева размышляет, не достался ли ей “мятежный дух” как раз от прекрасной женщины на портрете

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»

Год 1915 | **Тема** несчастная любовь

Посвящено гражданскому мужу ее сестры Анастасии, Маврикию Александровичу Минцу

Лирическая героиня

- Достаточно искушенная в любовных делах женщины. Она перечисляет немало признаков того, как происходит любовное свидание: встречи «закатными часами», «гулянья под луной», «солнце над головами»
- Любовь сродни болезни
- Она и её возлюбленный в равных позициях: они не любят друг друга. Такое «равноправие» подчеркнуто анафорой
- Героиня довольно отстраненно рассуждает о том, какие преимущества дает «не-любовь». Ей можно быть «смешной, распущенной» и «не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами», а ему можно спокойно обнимать другую.

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжёлый шар земной
Не уплывёт под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится ещё, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное моё, мой нежный, не
Упоминаете ни днём, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас над головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами!

Исповедание

- Она словно проговаривается: «Мой нежный»
- Постепенно, сама того не замечая, она начинает говорить о сокровенной мечте любой девушки: чтобы «в церковной тишине» пропели «Аллилуйя!» (что поют во время обряда венчания)
- Последние две строчки с повторяющимся междометием «увы!», по сути, и выдают героиню: здесь звучит ничем не прикрытое сожаление

«Имя твое – птица в руке...»

Год 1916

Тема любовь

История создания

Посвящено Александру Блоку. Цветаева не была знакома с ним лично, но видела между собой и известным символистом схожие черты характера и экспрессию, которая их объединяла. За всю жизнь она посвятила ему 21 стихотворение

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубок.

- Образ Блока нарисован иносказательно; адресат стихотворения нигде не упоминается, но последнее слово произведения – «глубок» - содержит в себе все буквы имени
- Состоящее из пяти букв имя (согласно дореволюционному правописанию на конце фамилии Блока писалась буква «ер») для поэтессы подобно «одному-единственному движению губ»
- Она сравнивает его с предметами (льдинка, мячик, бубенец), находящимися в движении; кратковременными, отрывистыми звуками («щелканье... копыт», «щелкающий курок»); символическими интимными действиями («поцелуй в глаза», «поцелуй в снег»)
- Цветаева умышленно не произносит самой фамилии («ах, нельзя!»), считая это кощунством.
- В первых двух строфах кажется, что поэтесса обожает лишь на расстоянии, опасаясь приблизиться к объекту любви, как будто к божеству, но уже в последней строфе мелькают интимные «поцелуй в глаза», «поцелуй в снег»

«Семь холмов – как семь колоколов!..»

Год 1916

Тема Москва, родина

Из цикла "Стихи о Москве", где сосредоточены лучшие воспоминания поэтессы о своём родном городе, столице России, и детских годах, проведённых в ней.

Идея признание в любви городу, в котором родилась и была счастлива поэтесса

Композиция

1. Красочно описывается сам город
2. Описываются его обитатели, простой городской люд

Семь холмов – как семь колоколов!
На семи колоколах – колокольни.
Всех счётом – сорок сороков.
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, Воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землёй московскою!

ЛГ не противопоставляет себя толпе, а наоборот, отождествляет. Она не может представить себя без московского народа и самого города, в котором она родилась в «червонный» день, то есть, в праздник

ЛГ просит проводить ее в последний путь «весь московский сброд, юродивый, воровской, хлыстовской». Отдельное обращение — к попу. Ему следует запечатать умершей рот «колокольной землей московскою»

Ассонанс. Благодаря обильному использованию гласной «о», Цветаевой удается добиться на бумаге звуковой имитации колокольного звона

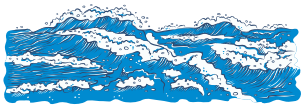
«Кто создан из камня, кто создан из глины...»

Год 1920 | **Тема** поэт и толпа

ЛГ размышляет о судьбе и воле каждого человека

Себя она ставит обособленно от рядовых людей, которые “окаменели” или прогнулись, приспособились (именно это имеется в виду, когда поэт говорит о людях из глины)

Она пророчит своё бессмертие в стихах, в таланте



Образ “морской пены” (символизирующей поэтессу) “серебрится и сверкает”

Торжествуя над толпой завистников и предателей, она утверждает свободное существование.

Кто создан из камня, кто создан из глины,-
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и нагробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволье.
Меня – видишь кудри беспутные эти?-
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – Воскресаю!
Да здравствует пена – Веселая пена –
Высокая пена морская!

“Кто создан из...“ — эта анафора роднит стихотворение с песенным жанром, создаёт эффект волн, которые набегают на берег, исчезают, придают звучанию ритмичность.

«Тоска по родине! Давно...»

Год 1934 | **Тема** любовь к Родине

В 1922 году поэтесса вынуждена покинуть любимую страну и уехать вместе с супругом в Прагу. Здесь, в 1934 году, она и создает стихотворение «Тоска по родине!», в котором поэтесса печально утверждает, что ни она, ни ее творчество больше никому не нужны.

- Тоска по родине — «давно разоблаченная морока», то есть уже проработанная тема, устаревшая, всем понятная
- В ее словах «всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст» сквозит безмерная усталость одинокого человека.
- Поэтесса признается, что фактически вынуждена жить прошлыми воспоминаниями, которые для нее являются роднее всего.
- Мрачная действительность постепенно стирает грани между прошлым и настоящим, поэтому Цветаева отмечает, что «все признаки с меня, все меты, все даты — как рукой сняло»
- Она бросает страшный упрек родине: край родной не уберег

В последней строфе тотальное отрицание всего самого дорогого и святого достигает кульминационной точки

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –

Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

Но поэтесса хранит надежду на возвращение домой

ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ

«Notre Dame»

Год 1912

Тема поэт и поэзия, архитектура, культурное наследие

Входит в сборник "Камень". В контексте творчества О.Э. Мандельштама на камень человек направляет свои творческие усилия, стремится сделать материю носителем высокого содержания.

Предмет стихотворения — «Notre Dame», Собор Парижской Богоматери

Композиция

- Первая строфа – это взгляд лирического героя изнутри на свод собора.
- Вторая строфа – описание собора снаружи.
- Третья и четвёртая строфы – более пристальное рассмотрение собора изнутри и снаружи.

Где римский судия судил чужой народ,
Стоит базилика, и – радостный и первый –
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.

Но выдает себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом – дуб, и всюду царь – отвес

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, –
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...

Первая же строка («Где римский судия судил чужой народ») отсылает читателя к историческому факту: Notre Dame стоит на острове Сите, где находилась древняя Лютеция — колония, основанная Римом.

Римская тема дает возможность ощутить историю как единый архитектурный замысел. **Рим** — “корень западного мира”, “камень, замыкающий свод”

Сравнивая впервые применённую крестообразную конструкцию свода с первым человеком Адамом, Мандельштам обращается к теме первого, нового, открытия в человеческой истории и культуре.

Первые две строфы стихотворения построены по принципу **антитезы**: внешнему противопоставлено внутреннее. “Крестовый лёгкий свод” обнаруживает “тайный план” — “массу грузную стены”

Существование Notre Dame — это вызов, брошенный человеком Небу, вечности (“Неба пустую грудь // Тонкой иглою рань”). Сей дерзновенный проект — застывшая стихия, сотворённая человеком.

В третьей строфе различные культурные эпохи соединяются в “неслиянное единство” (определение О.Мандельштама). Через архитектурное совершенство собора проступают черты прошлых культур.

Чтобы показать этот синтез поэт использует **оксюморон** (“Души готической рассудочная пропасть”), соединяет в ряд противоположные явления: “египетская мощь и христианства робость”; “с тростинкой рядом — дуб, и всюду царь — отвес”

Происходит зеркальная обратимость твердыни Notre Dame в “недобрую тяжесть” Слова. Слово уподобляется камню, а поэзия — архитектуре. Слово сначала является "тяжестью", но в поэзии оно обретает подвижность и своё истинное значение.

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»

Год 1915 | **Тема** любовь, история

Сборник "Камень". Обращение к сюжету гомеровской «Илиады», чтобы сказать неповторимые слова о любви.

- Сначала пунктирно обозначено состояние лирического героя («Бессонница.»)
- затем мы видим, что он коротает время за чтением («Гомер.»)
- и вот перед нами уже встает зримая картина, вызванная на свет содержанием прочитанного («Тугие паруса.»).

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи –
На головах царей божественная пена –
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам, одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер – все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Автор имеет в виду вторую главу «Илиады», в большей своей части посвященную перечислению кораблей, которые отправились из Греции (Эллады) с войной на Трою. Причиной этого похода стало похищение Парисом (сыном правителя Трои Приама) Елены, супруги царя Спарты Менелая. Вернуть Елену Менелаю, воссоединить любящих — такова была изначальная цель надолго затянувшейся Троянской войны.

Любовь выше политики, именно она — пружина всех мировых катаклизмов. Более того, любовь — это тот изначальный духовный элемент, который связывает между собой всё.

Третья строфа

Море — Мировой океан, из коего, согласно древним мифологическим представлениям, произошла жизнь, Гомер — герои Гомера (метонимия) — всё движется любовью

Художественная выразительность

Неживые предметы одушевлены:

- Корабли сравниваются с летящим «журавлиным клином»
- Море «витийствует» (произносит эмоционально насыщенные речи)
- Морская пена переносится на головы плывущих царей и уподобляется их курчавым волосам

Торжественная интонация шестистопного ямба поддержана лексическим строем текста (церковнославянизмы: указательное местоимение «сей», повторенное дважды; «мужи»; «витийствуя»)

«За гремучую доблесть грядущих веков...»

Год 1931 | **Тема** участь поэта, личность и эпоха

Эпоха сталинских репрессий

- ЛГ говорит о своей жертве, принесенной во имя счастливого будущего. Он лишился "чащи на пире отцов", веселья, чести
- Новое время для Мальдештама – «век-волкодав», и спасение от него поэт видит в далекой Сибири, «где течет Енисей и сосна до звезды достает»
- Сейчас он мечтает очутиться далеко, «Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, ни кровавых костей в колесе»
- Два раза в стихотворении повторяется важная мысль: «... не волк я по крови своей». Кто-то становился волком, предателем

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей –
Я лишился и чаши на пире отцов,
И Веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается Век-Волкодав,
Но не Волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, В рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей В колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне В своей первобытной красе.

Уведи меня В ночь, где течет Енисей
И сосна до звёзды достает,
Потому что не Волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

«Ленинград»

Год 1930 | **Тема** Петербург (Ленинград)

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, – так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Поэт чувствует свою кровную, физическую связь с городом

- Связь с культурным (в том числе архитектурным) пространством города («рыбий жир ленинградских речных фонарей»)
- Связь с природным ландшафтом («декабрьский денек»: «желток» в следующей строчке является метафорой солнца, а «зловещий деготь» — тусклого пасмурного неба с устремленным туда дымом фабричных труб)
- Связь с людьми («...у меня еще есть адреса, / По которым найду мертвецов голоса»)
- «Дорогие гости» приходят ночью, без приглашения, с мясом вырывают дверной звонок (солдаты НКВД)

«Рыбий жир» речных фонарей. За этой метафорой стоит и ощущение целительности ленинградского пейзажа, и память о детских болезнях, и стремление передать тусклый свет ночного фонаря

«Черная лестница», где живет герой, это не только выход на двор, но и деталь, которая приобретает символическое значение.

ЛГ пишет "Петербург", но в название автор вынес новое имя города — "Ленинград"

«Мы живем, под собою не чуя страны...»

Год 1933 | **Тема** личность и эпоха | **Жанр** эпиграмма (на Сталина)

Атмосфера тотального страха в стране. Все молчали. За любое неугодное власти слово можно было попасть в лагеря или под расстрел

Описание "кремлёвского горца"

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хныкет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него - то малина
И широкая грудь осетина.

- Далее идёт описание окружения всесильного правителя. "Полулюди" в его присутствии не способны говорить. Им остается лишь "мяучить", "хныкать" и "свистеть"
- В последнем четверостишии автор описывает казни и наказания
- Под словом «малина» подразумевается преступный жаргонизм (воровской притон). Здесь имеются в виду шесть отсидок Сталина, причем только одна из них была связана с его политической деятельностью, остальные – с разбоем.
- Образ сияющих голенищ не только реалистичный (Сталин носил сапоги), но и отсылает к описанию Иоанном Богословом Иисуса, у которого ноги сияли, как будто раскалённая в печи медь.
- Окружение Сталина – сброд тонкошеих вождей, полулюди.Тонкошеие вожди – это использование образа тонкой шеи, которая поворачивается вслед за головой (Сталиным)